

Глава 7

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ ВОЕННОГО И ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

1. Московские историки в военное и послевоенное время

Великая Отечественная война невольно стала заметным этапом в истории советской историографии. С одной стороны, война не повлияла прямым образом на науку, но с другой — в функционировании исторической науки в СССР произошли значительные изменения. С началом боевых действий история стала рассматриваться властями как важный элемент пропаганды. Это выливалось в широкий показ историко-патриотического кино, издание исторических брошюр, многочисленные публичные лекции известных историков перед фронтовой и тыловой аудиториями. В то же время с приближением немецких войск к Москве началась эвакуация научных учреждений, среди которых были и исторические институты и факультеты вузов. Историкам «старой школы» военные годы дались особенно тяжело. Пережив революции и Гражданскую войну, репрессии против интеллигенции, на излете жизни уже пожилые люди вместе со всей страной подверглись испытанием войной.

В эвакуации оказались Готье, Веселовский и Бахрушин. Яковлев отказался покинуть Москву. В почти покинутой столице он выполнял множество просьб и поручений от своих коллег. Так, он следил за сыном Б.Д. Грекова, Игорем¹, помог С.Б. Веселовскому, по его просьбе, спасти от уничтожения его уникальную библиотеку и личный архив².

Эвакуация стала особой вехой биографии, в том числе и московских историков. Как ценные научные работники они были оправле-

¹ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 338. Л. 12 об.

² *Веселовский С.Б.* — Яковлеву А.И. Казань, 26 сентября 1941 г. // Переписка С.Б. Веселовского... С. 471.

ны в Алма-Ату и Ташкент. Так, в письмах к профессору Историко-архивного института А.Н. Сперанскому второй жены Веселовского, Ольги Алексеевны, подробно описан путь в эвакуацию. 23 августа 1941 г. супруги Веселовские приехали в Казань, где их разместили в частной квартире. «Живем в прохладной комнате. По диагонали через нас ходят туда-сюда 6 человек семьи хозяйки (и их гостей). Чисто, опрятно и они и мы стараемся не болтать ногами, сидя друг у друга на голове»¹, — писала Ольга Алексеевна. Веселовский продолжал научную работу, читал небольшие курсы в местном университете. В казанском архиве он обнаружил очередной экземпляр «Синодика» Ивана Грозного². 25 ноября семья историка уже добралась до Ташкента, где их поселили в специальном Академическом доме³, где разместились и другие историки.

В Ташкенте оказались Готье и Бахрушин. У Готье были проблемы со здоровьем. 10 апреля 1942 г. Веселовский писал Яковлеву: «Очень плох Ю.В. — за последнее время с ним было два небольших удара, падал на улице»⁴. О плохом состоянии Готье писал М.Н. Тихомирову и В.И. Пичета⁵. Поэтому даже когда началась реэвакуация, Готье долго не отваживался решиться на долгий и трудный путь⁶. Он так и скончался в Ташкенте 17 декабря 1943 г.

Бахрушин и Яковлев активно участвовали в пропагандистских акциях военного времени. Яковлев несколько раз читал циклы исторических передач на радио, посвященных героическим фактам русской истории⁷. Кроме того, он организовал выставки в честь Александра Невского⁸, Кутузова⁹, Суворова¹⁰ и т. д. Им было подготовлено и напечатано «Пособие к изучению боевых приказов и речей товарища И.В. Сталина»¹¹. В пособии, между прочим, историк выражает большие надежды на союз со «свободолюбивыми демократическими странами»¹².

¹ АРАН. Ф. 1935. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 4 об.

⁴ С.Б. Веселовский — А.И. Яковлеву. 10 апреля 1942 г. // Переписка С.Б. Веселовского... С. 476.

⁵ Руколь Б.М. Переписка М.Н. Тихомирова с В.И. Пичетой (1941–1943 гг.) // АЕ за 1982. М., 1983. С. 229.

⁶ АРАН. Ф. 1580. Оп. 4. Ед. хр. 67. Л. 3 об.

⁷ Бурдей Г.Д. Историк и война. Саратов, 1991. С. 78.

⁸ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 60.

⁹ Там же. Ед. хр. 71.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 70.

¹¹ Там же. Ф. 574 (В.П. Потемкина). Оп. 5. Ед. хр. 25.

¹² Там же. Л. 32.

Бахрушин публиковал историко-патриотические произведения¹. Победы Советского Союза в войне все больше примиряли Бахрушина с существующей действительностью. По свидетельству А.А. Формозова, Бахрушин считал Сталина деятелем, равным Петру I, приведшим страну к величию и победе во Второй мировой войне². Иного взгляда продолжал придерживаться по-прежнему непримиримый Веселовский. «К чему мы пришли после сумасшествия и мерзостей семнадцатого года? — писал он в дневнике 20 января 1944 г. — Немецкий и коричневый фашизм — против красного. Омерзительная форма фашизма — в союзе с гордым и честным англосаксом против немецкого национал-фашизма»³. Очевидно, что никаких симпатий к советскому строю историк не испытывал.

В то же время в советской исторической периодике начали появляться статьи, в которых на историческом материале пропагандировались связи с союзниками по антигитлеровской коалиции. Типичным примером таких работ стала совместная статья Готье и Бахрушина, освещавшая историю становления торговых и политических контактов между Россией и Англией⁴. Статья, вышедшая в 1941 г. в декабрьском номере «Исторического журнала», была написана в предельно объективистской манере, без присущих предыдущей советской историографической традиции обличительных выпадов в сторону капиталистических стран. Авторами было показано, что сближение двух стран было обоюдовыгодным. Причем инициатором сближения был показан Иван Грозный, который противостоял консервативным кругам боярства, относившихся к такому сближению весьма негативно. В этом проявилась присущая эпохе тенденция к восхвалению Ивана IV как выдающегося и дальновидного государственного деятеля.

Культ Ивана Грозного стал неотъемлемой частью сталинской эпохи, а сам грозный правитель был одним из любимейших исторических персонажей Иосифа Виссарионовича. Исторические исследования эпохи Ивана Грозного приобретали в 1930–1940-е гг. особую актуальность. Заниматься данной проблематикой было, с одной стороны, почетно, а с другой — чревато последствиями, если взгляды ученого не совпадали с официально насаждаемой концепцией. В этом смысле отношение к личности Грозного являлось показателем конформизма/нонконформизма ученых.

¹ См. его библиографию тех лет: *Список научных трудов С.В. Бахрушина // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. I. М., 1952. С. 14–16.*

² *Дубровский А.М. Сергей Владимирович Бахрушин // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1. С. 202.*

³ *Веселовский С.Б. Дневники... 2001. № 2. С. 78.*

⁴ *Готье Ю.В., Бахрушин С.В. Культурные и политические связи России и Англии в XVI–XVII веках // ИЖ. 1941. № 12. С. 64–70.*

Среди московских историков по поводу личности Ивана Грозного не было единого мнения. В 1939 г. Готье в рецензии на книгу Б. Верховеня писал: «Энергичный и умный правитель, страстный апологет самодержавия, Грозный царь, опираясь на дворянство и безжалостно сокрушая сопротивление княжат и бояр, завершает начатое его предшественниками создание сильного централизованного государства и значительно расширяет его пределы. При Грозном Россия превращается в многонациональное государство»¹. Историк, в этом году избранный в академики АН СССР, рассматривал правление Ивана Грозного как прогрессивный этап в русской истории.

В это же время значительный интерес к истории правления Грозного проявлял Веселовский. Он первым из русских историков обратил внимание на такой уникальный исторический источник, как синодик опальных царя Ивана. В 1940 г. он опубликовал статью, в которой проводился источниковедческий анализ синодиков². В том же году была написана (но не опубликована) статья о восприятии современниками политики и личности Грозного. В работе Веселовский выступил категорически против утверждения многих современных ему историков о том, что политику Грозного, якобы, поддерживал простой народ, видя в нем защитника от боярского произвола. Ученый на конкретных источниках показал то неприятие террора Грозного, которое выражали его современники из различных социальных групп³. Понятно, что такая статья в те годы не могла увидеть свет ни в одном издании.

История правления Ивана Грозного оказалась особенно популярной во время Великой Отечественной войны. Большое идеологическое значение имела небольшая монография Бахрушина, посвященная правлению Ивана Грозного. Как известно, Иван IV превозносился пропагандой как великий патриот, сильный и выдающийся правитель, создатель российской государственности. В этой связи работы, освещавшие деятельность этого правителя, играли, с точки зрения официальных властей, огромное значение. Книга Бахрушина об Иване Грозном выдержала несколько изданий. Первое из них вышло в 1942 г. В данной работе ссылки даются на издание 1945 г., перепечатанное в «Научных трудах».

Напомним, что в своей дореволюционной работе Бахрушин представлял правление Ивана IV как, в целом, закономерный этап русской

¹ Готье Ю.В. Плохая книга (Б. Верховень — Россия в царствование Ивана Грозного) // Книга и пролетарская революция. 1939. № 11. С. 92.

² Веселовский С.Б. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Сб. 3. С. 245–366.

³ Веселовский С.Б. Отзывы о Грозном его современников // Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 38–77.

истории, что не мешало ему показывать жестокость и бессмысленность многих его действий. В начале 1930-х гг. историк писал о Грозном как «психически больном человеке, патологическом субъекте», признавая, правда, его острый ум. Впрочем, это не мешало царю быть, по мнению Бахрушина, «игрушкой в руках тех, кто умел к нему подойти и найти нужные слова в нужную минуту»¹. Теперь ученый высказывался более осторожно, избегал негативных характеристик царя. Правление Ивана Грозного историк рассматривал как закономерный этап русской истории. Главной целью эпохи была борьба с пережитками феодального времени. В этом в достаточной мере, по мысли автора, преуспела Избранная рада. Сильвестра и Адашева Бахрушин рисовал как властных временщиков². Анализируя реформы Избранной рады, историк указывал на их успешность. В статье, опубликованной в 1945 г., он не соглашался с мнением о том, что Рада выражала интересы реакционных феодальных кругов³. С его точки зрения, Адашев стремился провести интересы нарождающегося дворянства, чему и способствовало большинство преобразований. Именно дворянство было заинтересовано в укреплении царской власти и создании централизованного государства. Внутренние преобразования позволили «развернуть широкую национальную программу внешней политики», заключающуюся в войнах с Казанью и с Ливонским орденом⁴.

Тем не менее деятельность Рады не вполне отражала устремления дворян и царя к сильной власти, поскольку Рада вынуждена была действовать в союзе с крупной феодальной знатью⁵. В этой связи конфликт между царем и его советниками был, по мнению Бахрушина, неизбежен. «Опричнина представляется нам как момент созидания единого централизованного национального государства, как неизбежный этап в борьбе за абсолютизм»⁶, — писал историк. При этом он не скрывал и негативных черт опричнины, описывая грабежи и террор опричных войск.

Не обошел Бахрушин в своей книге и экономические процессы. Он указывал на кризисные явления в русской экономике того времени, связывая их с переходом от натурального к денежному хозяйству. Кризис усугубила Ливонская война и опричнина⁷.

¹ Цит. по: *Дубровский А.М. Жизнь и графика историка // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Брянск, 2004. С. 270.*

² *Бахрушин С.В. Иван Грозный // Бахрушин С.В. Научные труды: В т. II. М., 1954. С. 268.*

³ *Бахрушин С.В. «Избранная рада» Ивана Грозного // Там же. С. 350.*

⁴ *Он же. Иван Грозный... С. 274.*

⁵ Там же. С. 291.

⁶ Там же. С. 300.

⁷ Там же. С. 313–316.

Рассматривая личность Ивана Грозного, автор, признавая присущую ему жестокость, в то же время писал о том, что данная черта была типичной для всех выдающихся правителей того времени: «Жестокость Ивана Грозного была не только проявлением болезненной несдержанности неуравновешенного человека... но и сознательно применяемым методом политической борьбы, неизбежным в данных исторических условиях»¹. Книга в целом вписывалась в сложившийся культ Ивана Грозного², но в то же время историк старался не впасть в откровенную апологетику царя.

Итак, каково же место работ С.В. Бахрушина в общем потоке научной литературы об эпохе Ивана Грозного? Ученый относился к той группе историков, которые признавали закономерный характер появления такой исторической фигуры, как Иван IV, причем это было обусловлено не конъюнктурными соображениями, а личной убежденностью. Об этом позволяет говорить сравнение его дореволюционной работы и последующих сочинений. Несмотря на то что историк так и не оставил фундаментальных трудов, многие его идеи оказались восприняты последующей историографией и получили дальнейшее развитие. В первую очередь, речь идет о концепции компромиссного характера деятельности Избранной рады. Важной чертой работ С.В. Бахрушина была концентрация на реформаторских устремлениях царствования. Данный подход задал вектор развития историографической традиции изучения, открыв целую серию работ советских историков по этой проблематике. Тем не менее в работе Бахрушина в очередной раз проявилось стремление историка уловить новые идеологические веяния.

В разгар войны вышел исторический роман В.И. Костылева «Иван Грозный», вскоре получивший Сталинскую премию. В нем Иван Грозный был показан великим историческим деятелем, борцом с остатками феодальной раздробленности. Книга вызвала закономерный интерес в среде историков. У нее появились как апологеты, так и критики. Учитывая официальное признание произведения, последних было значительно меньше.

Среди активных сторонников романа оказался Яковлев. Он недавно сам получил Сталинскую премию, поэтому восхваление книги должно было убедить власть предержащих в том, что бывший ссыльный придерживается правильной идеологической позиции, идет в ногу с передовой советской исторической наукой. В хвалебной рецензии на произведение он писал: «Роман В. Костылева с особенным вниманием будет прочитан в наши дни — дни победоносной борьбы с немецкими захватчика-

¹ Там же. С. 318.

² Подробнее см.: *Perrie M. The cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. 2001.*

ми, потомками подлых ливонских рыцарей»¹. Историк утверждал, что автор сумел показать народную точку зрения на царствование Ивана IV. К плюсам романа он отнес и то, что писатель ознакомился с работами дореволюционных историков, Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева, посвященными описываемой эпохе.

В общий поток хвалебных отзывов не вписывался отзыв Веселовского. Его написание историку было поручено непосредственно Институтом истории. До этого от рецензий уклонились, понимая щекотливость ситуации, Б.Д. Греков и Р.Ю. Виппер. По свидетельству О.А. Веселовской, ученый одно время не соглашался, но затем «так рассердился на „вранье“ в романе и в отзывах на него, что начал писать так добросовестно, как этот роман не заслуживает»². Рецензия была закончена 7 августа 1943 г.

Веселовский в первую очередь отметил то, что Костылев совершенно не пользовался достижениями исторической науки. «Мнения авторитетов не закон, но не считаться с ними и игнорировать их, не имея своих данных, недопустимо», — считал рецензент. Представления романиста об описываемой эпохе историк посчитал «фантастикой»³. С точки зрения Веселовского, приписывать реформы 1547–1556 гг. исключительно царю, как это делал Костылев, нет основания. Более того, они проводились не им, а только с его согласия. Выступил он и против прославления Грозного как выдающегося и успешного правителя. Наоборот, заметил автор, после него осталось лишь запустение. В конце он посетовал, что появившиеся исторические литературные произведения мало внимания обращают на достижения науки, тем самым распространяя заведомо ложные идеи. Веселовский призвал своих коллег: «Настоящие ученые... должны найти время и силы бороться с неуважением и некультурным отношением к их труду со стороны литераторов»⁴. Конечно, коллеги не услышали призыва, поскольку понимали, что бороться придется не с литераторами, а с теми идеологическими требованиями, которые те реализовывали.

Не менее критичной был отзыв Веселовского на повесть «Иван Грозный», написанную корифеем советской литературы и любимцем власти, А.Н. Толстым. Известный литератор также стремился показать Грозного прогрессивным и демократическим правителем. Анализ литературного текста Веселовский проводил по линии его соответствия историческим

¹ Яковлев А.И. Книга об Иване Грозном // Литература и искусство. 1944.04.03.

² С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках... С. 239.

³ Веселовский С.Б. По поводу трилогии тов. Костылева / Публ. Зимин А.А. // История и историки: Историографич. ежегодник за 1971 г. М., 1973.

⁴ Там же. С. 376.

реалиям описываемого времени. Здесь он был категоричен: «Действующие лица повести носят исторические имена, но они говорят такие речи и совершают такие поступки, которые не могли говорить и делать те лица, именами которых пользуется автор»¹. Веселовский наглядно показал, что А.Н. Толстой нарисовал образ Ивана Грозного далеким от исторической правды.

Смелым шагом со стороны историка стала публикация в 1946 г. в центральном историческом журнале «Вопросы истории» (как допустили?!) статьи, посвященной опричнине как социально-политическому институту². В ней он сумел опровергнуть несколько сложившихся в исторической науке стереотипов относительно опричнины. Так, он наглядно показал, что мнение С.Ф. Платонова о том, что опричнина, после ее формального упразднения в 1572 г., продолжала по факту существовать в виде царского двора, является ошибочным. Проведя тщательные изыскания в области поместного землевладения, Веселовский пришел к выводу, что после отмены опричнины в 1572 г. вотчины были возвращены бывшим владельцам. Это и стало реальным завершением опричнины. В статье автор сделал вывод, идущий вразрез с официально принятой точкой зрения. Он писал: «...Опричнина и вообще опалы Ивана Грозного свелись к уничтожению лиц и не изменили социального строя, существовавшего до них»³. Таким образом, тезис о выдающейся роли Ивана IV и опричнины в русской истории ставился под сомнение.

Общественная актуальность проблематики стимулировала историка к написанию целой серии работ, посвященных эпохе грозного правителя. В них автор решительно отверг мнение, освященное авторитетом С.Ф. Платонова, о том, что опричнина имела целью уничтожение княжеского и боярского удельного землевладения. Тщательно проанализировав источники, в том числе и обнаруженные им синодики опальных Ивана Грозного, историк показал, что репрессии коснулись широких слоев населения и не имели целенаправленного характера. В этом смысле он продолжил историографическую линию, намеченную В.О. Ключевским. Тот также рассматривал опричнину как во многом случайный, исторически ненужный институт.

Работы Веселовского об Иване Грозном и его эпохе из-за идеологических соображений в большинстве своем долгое время не публиковались и не были доступны широким научным кругам. После их выхода в свет, они

¹ Веселовский С.Б. О драматической повести «Иван Грозный» А.Н. Толстого // АЕ за 1988. М., 1989. С. 305.

² Он же. Учреждение Опричного двора в 1565 г. и его отмена в 1572 году // ВИ. 1946. № 1. С. 86–104.

³ Там же. С. 104.

вызвали широкий научно-общественный интерес. Именно они заложили основу для современных работ историков по данной проблематике, а тезис о непредопределенности причины стал общепризнанным.

2. Монография А.И. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве в XVII в.»

Заметным событием, правда вскоре приобретшем скандальный оттенок, стала публикация монографии Яковлева, посвященной институту холопства в XVII в. У книги «Холопство и холопы в Московском государстве в XVII в.» была сложная судьба. Видимо, Яковлев начал работать над монографией еще в дореволюционное время, когда готовил к изданию кабальные книги. Судя по заметкам в дневнике друга историка, академика В.И. Вернадского, книга была готова к 1930 г., но из-за репрессий опубликовать ее было невозможно. Более того, по свидетельству Вернадского, «книгой хотели воспользоваться избранные уже [в академики] ком[мунисты] — я [Вернадский. — В.Т.] обвинял Грекова и Волгина»¹. Книгу удалось отстоять, но долгое время она пролежала в рукописи. Как рассказывал сам Яковлев на совещании историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г.: «Книга была представлена в Институт истории в готовом виде в конце 1934 года², как раз когда начались обвинения против Института истории, что он не дает исследовательских работ. Книга пролежала без всякого движения полностью 1939, 1940 год, причем рецензенты, которых Институт фактически по своему усмотрению выбирал, они высказались за напечатание этой книги. Рецензентами являлись академик Готье и академик Веселовский³. Два года пролежала эта работа в шкафу. Когда начался третий год, и я увидел, что она пролежит 3 и 4 года, я написал Вячеславу Михайловичу Молотову письмо. Он просил прислать текст книги. Я текст этой книги послал. Кто читал книгу, я не знаю, но они решили напечатать ее в 1941 году. Когда книги получила апробацию столь высокого источника, она была немедленно отправлена в набор, пройдя соответствующую рецензию при наборе»⁴.

В 1942 г. книгу, еще находящуюся в рукописном варианте, затребовали для конкурса на присуждение премии. В начале 1943 г. книга была официально удостоена Сталинской премии второй степени в размере

¹ Вернадский В.И. Дневники. (1935–1941). Кн. 1. М., 2006. С. 166.

² Явная ошибка — Институт истории появился только в 1936 г.

³ С.Б. Веселовский стал академиком только в 1946 г.

⁴ Цит. по: Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 381–382.